

Образ американской глубинки в альтернативно-исторических произведениях о Второй мировой войне и ее последствиях

Ирина В. Брянцева

*Московский физико-технический институт,
Долгопрудный, Россия, birina240595@gmail.com*

Аннотация. Альтернативно-исторические художественные тексты традиционно притягивают внимание исследователей и критиков в контексте создания терминологических трактовок и иных вариантов наименования, рассмотрения истоков зарождения феномена и процесса формирования данного поджанра фантастики в мировой литературе, выявления типологий и классификаций, изучения общности и различий построения сюжетов о конкретных эпохах в пределах одной и нескольких литератур, а также исследования связи альтернативной истории с другими литературными жанрами. Однако изучение специфики локализации художественного пространства жанровых произведений представляется не менее значимой задачей для исследования особенностей жанра. Данная статья посвящена рассмотрению образа американской глубинки в альтернативно-исторических произведениях о Второй мировой войне и ее последствиях. Для анализа в контексте заданной проблематики выбраны два американских художественных текста, созданных на разных этапах развития жанра: изданная в 1958 г. повесть С.М. Корнблата «Две судьбы» и увидевший свет в 2001 г. роман Д. Куинна «После Дахау». Особое внимание в статье уделяется приведению доказательных примеров о значимости глубинки как локации, активно задействованной в построении альтернативно-исторического нарратива в обоих исследуемых произведениях.

Ключевые слова: американская художественная литература, альтернативная история, альтернативно-историческая художественная литература, американская глубинка, Вторая мировая война, С.М. Корнблат, Д. Куинн

Для цитирования: Брянцева И.В. Образ американской глубинки в альтернативно-исторических произведениях о Второй мировой войне и ее последствиях // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 149–158. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-149-158

The image of the American remote places in alternate history fiction about the Second World War and its consequences

Irina V. Briantseva

*Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia,
birina240595@gmail.com*

Abstract. Alternate history fiction traditionally attracts the attention of researchers and critics in the context of creating terminological interpretations and other naming options, considering the origins of the phenomenon and the process of formation of this subgenre of science fiction in world literature, identifying typologies and classifications, studying the commonality and differences in the construction of plots about specific eras in one and several literatures, as well as exploring the connection between alternate history and other literary genres. However, studying the specifics of localization of the narrative space of genre works seems to be an equally significant task for studying the characteristics of the genre. This article is devoted to the consideration of the image of the American remote places in alternate history works about the Second World War and its consequences. For analysis in the context of the given problems, two American literary texts created at different stages of the development of the genre were selected: a story “Two Dooms” by C.M. Kornbluth, which was published in 1958, and D. Quinn’s novel “After Dachau”, which was published in 2001. Particular attention in the article is paid to providing evidence-based examples of the significance of the remote places as a location actively involved in the construction of an alternate history narrative in both works under study.

Keywords: American fiction, alternate history, alternate history fiction, American remote places, World War II, C.M. Kornbluth, D. Quinn

For citation: Briantseva, I.V. (2025), “The image of the American remote places in alternate history fiction about the Second World War and its consequences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 149–158, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-149-158

В современном понимании альтернативная история – «жанр художественной литературы, в котором автор размышляет о том, каким образом трансформируется привычный ход истории, если изменить итог конкретного исторического события»¹. Выбор исто-

¹ Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/alternative-history> (дата обращения 22.03.2024).

рической развилки зависит от исторического периода, ведь каждая эпоха имеет определенное количество памятных дат, имеющих потенциал начать отсчет времени существования нового ответвления от общепризнанного варианта развития исторического процесса. Романное пространство жанровых художественных текстов на первый взгляд должно быть локализовано исключительно в местах, наиболее подходящих для процесса творения истории – в полях сражений, королевских дворцах, командных и административных центрах, дворянских усадьбах и особняках заговорщиков. Конечная палитра локаций зависит от авторской задумки, содержащей в себе множество вариативных параметров: насколько удален основной сюжет от точки бифуркации, задействованы ли в процессе изменения истории фантастические элементы, в какой стране и эпохе разворачивается история, со скольких точек зрения показаны происходящие в произведении события, каковы социальный статус и род деятельности главного героя или группы центральных персонажей и другие подобные детали.

На этом основании важным представляется исследование значимости глубинки в качестве локации альтернативно-исторической литературы. Предметом анализа в настоящей работе является образ глубинки в американских альтернативно-исторических произведениях, объединенных исторической развилкой, произошедшей в эпоху Второй мировой войны, – повести С.М. Корнблата «Две судьбы»² и романа Д. Куинна «После Дахау»³. Понимание значения слова «глубинка» опирается на трактовку толкового словаря русского языка Д.В. Дмитриева, определяющего данное понятие как «место или населенный пункт, расположенные вдали от столицы государства или других больших городов»⁴.

В художественном тексте Сирила Корнблата «Две судьбы» рассказывается невероятная история, произошедшая с Эдвардом Ройландом, научным сотрудником лаборатории в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, в которой велись секретные работы по созданию атомной бомбы во время Второй мировой войны. Через призму восприятия главного героя автор подчеркивает расхождение ожидания: «Лаборатория! Слово это должно было означать

² Kornbluth C.M. Two dooms // Venture Science Fiction Magazine. 1958. Vol. 2. No. 4. Whole no. 10. P. 4–49.

³ Quinn D. After Dachau. N.Y.: Context Books, 2001. 230 p. URL: <https://www.readanybook.com/online/695951> (дата обращения 25.03.2024).

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/784/глубинка> (дата обращения 22.02.2024).

прохладное, наполненное людьми, но вместе с тем тихое помещение»⁵ с реальностью: крытыми гофрированным железом бараками в засушливой американской глубинке, в которых располагались: общежитие на 38 ученых разных национальностей, общая уборная, кафетерий с ужасной едой, а также окруженная колючей проволокой научно-исследовательская зона, в которой персонажу предоставили отдельный кабинет – «еще одну каморку размером в спичечный коробок, душную и шумную, наполненную голосами людей и трескотней окружающих его со всех сторон пишущих машинок и арифмометров»⁶. Недовольство окружающей обстановкой соединяется в размышлениях персонажа с сомнением в выборе собственного пути: с одной стороны, Эдвард не знает, сможет ли гордиться своей работой, как его сокурсники, выбравшие военную карьеру, с другой – сомневается, должно ли настолько мощное оружие появиться на свет.

Положительный результат выполненных героем расчетов, подтверждающих работоспособность проекта, не способствует решению данной моральной дилеммы. В поисках душевного равновесия ученый обращается к живущему недалеко от поселения индейскому знахарю Чарлзу Миллеру Нахатаспе. В диалог персонажей автор с иронией вплетает детали национального колорита: в словах индейца сочетаются первобытные представления о болезни «Мою печень пожирает змея. Забралась туда и ест»⁷ и современные термины «Что знает необразованное дитя природы о всяких там бактериях, вирусах, токсинах и опухолях?»⁸, предостережения, что сведения «о том, что раскалывает небо»⁹ проникают из лаборатории наружу, переходят в повествование о «рогатой жабе, которая обьяелась дурманом и вообразила, что она – бог на небе. Она налилась вся гневом и попыталась разломать небесный свод, но это ей не удалось сделать, и она уползла в свою нору, стыдясь глядеть в глаза всем остальным зверям»¹⁰, а посоветованная для прояснения зрения Пища богов оказывается галлюциногенными грибами, употребление которых отправило Эдварда в ментальное путешествие по футуристической альтернативной реальности победившего фашизма.

⁵ Корнблат С.М. Две судьбы // Необъятный двор: Альманах зарубежной фантастики: Специальный выпуск (периодическое издание). Вып. 2. Алма-Ата: Ренессанс: Гылым, 1992. С. 207.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 212–213.

Герой оказывается в той же локации – резервации индейцев племени хопи, однако в окружающей обстановке видны существенные различия: улица заросла высокой травой, машина, на которой приехал персонаж, и колея от колес исчезли, хижины обветшали, один из домов хранил следы жестокого нападения – следы копоти и пуха на стенах, множество человеческих костей и фрагмент лезвия японского самурайского меча.

У научной лаборатории в параллельном мире тоже присутствует свой образ-двойник в «отвратительном псевдоклассическом неороманском стиле»¹¹ с развевающимся на центральном флагштоке флагом с Восходящим Солнцем, соседствующий с напоминающим нефтеносное поле заводом для производства серной кислоты, работающим под «слащаво-приторные вальсы Штрауса»¹².

Спасаясь от угрозы оказаться в нацистском трудовом лагере, герой выбирается на японскую часть Америки, являющуюся «прибежищем для всех, у кого кожа хоть чуточку темнее выцветших на солнце костей»¹³, и селится в деревне спасенного им от утопления китайца Ли По. Поселение «Угецу», состоящее из расположенных на берегу канавы саманных лачуг, вмещало в себя около двухсот неграмотных земледельцев разных национальностей: китайцев, индусов, дравидов и японцев-отверженных. На примере данного населенного пункта автор показывает феодальные порядки, царящие на японской стороне границы по реке Миссисипи. Японцы представлены как небеснорожденные благородные правители, имеющие право на привилегированный язык – японский, отличительную символику – императорские хризантемы, неукоснительное уважение – по этикету люди других рас должны были, завидев их, падать ниц, сбор податей – крестьяне «Угецу», например, отдавали свою долю редисом, быть законом в высшей инстанции – убивать без суда и следствия. Жители деревни в то же время имели право говорить только на заменившем им родную речь по политическим соображениям английском языке, они жили на пороге голодной смерти, питаясь «выращенными ими же самими овощами на участках площадью по четверть акра на одну семью»¹⁴ и наслаждаясь мясом только на свадьбах и похоронах. Крестьяне существовали круглый год по одному и тому же распорядку – полевые работы чередовались со скудными приемами пищи и рассказами сохранившихся в народной памяти преданий, звучащими после нее.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² Там же. С. 223.

¹³ Там же. С. 239.

¹⁴ Там же. С. 240.

После убийства угрожающего ему самурая Эдвард вынужден покинуть ставшее привычным за месяц пребывания местожительство и снова отправиться в путь. После визита в немецкое посольство героя перенаправляют на немецкую часть США – в Лабораторию расовой науки в Чикаго, где он притворяется жертвой сатанинского еврейского колдовства и, предприимчиво переводя разговор на красoty Мексики и мексиканские грибы-галлюциногены, придумывает и реализует план по возвращению в родную реальность. Пережитый опыт разрешает все сомнения персонажа – ученый поверил в необходимость атомной бомбы и готов нести ответственность за ее создание.

В свою очередь, в романе Дэниела Куинна «После Дахау» образ глубинки тесно взаимосвязан с феноменом реинкарнации. Главный герой и рассказчик произведения Джейсон Талл-младший, живущий в футуристическом арийском раю спустя две тысячи лет после победы фашистов во Второй мировой войне, начал интересоваться этой темой еще в детстве, прочитав загадочную историю, случившуюся «в маленьком городке на среднем Западе в середине девятнадцатого века»¹⁵. Рассказ о том, как Натали Прескотт перевоплотилась в Мэри Энн Дорсон, не только изменил убеждения Джейсона-школьника, побудив считать всех людей частью непрерывной цепочки перерождений и избрать стезю профессионального исследователя реинкарнаций в организации «Мы снова живем» семь лет спустя, но и открывает внимательному читателю глаза еще в завязке художественного текста на иллюзорность совпадения романного времени действия и реальности. Ведь в описанном автором Веттсбурге, штат Миссури, помимо фантастического случая с маленькой девочкой, вспомнившей жизнь в другой семье и воссоединившейся с ней спустя 10 лет после смерти, фигурируют также детали, совсем не характерные для реальной Америки середины XIX в.: несмотря на упоминание социального неравенства живших в этом вымышленном городе семейств Дорсон и Прескотт, зажиточного семейства, имеющего личного доктора, и простых людей из рабочего класса, в тексте нет никаких сведений о расовой дискриминации и рабовладельческом строе, характерном для известного плантациями и фермерскими хозяйствами штата Миссури указанного периода. В истории также нет никаких отсылок к предпосылкам и итогам Гражданской войны (The American Civil War, 1861–1865). Однако автором наоборот подчеркивается, что дом Прескоттов во время взросления девочки стал «местом паломничества тысяч людей, которые хотели верить, что Мэри Энн была живым доказательством жизни после смерти

¹⁵ *Quinn D. After Dachau...*

и реинкарнации»¹⁶, что вряд ли смогло бы произойти в такой неспокойный исторический период.

Вторым подтвержденным случаем реинкарнации в романе стала история девятилетнего Эдди Такера из Каунсил-Блаффс, штат Айова. Материалы по этому делу Джейсон обнаружил, уже будучи сотрудником организации «Мы снова живем». Однажды мальчик вспомнил о том, как заболел в пансионе в небольшом городке О' Ниле, штат Небраска, хотя, по уверению его матери, никогда там не бывал. Заинтригованная семья едет туда на выходных, но, найдя место из воспоминаний Эдди, выясняет, что дом и сад были перестроены в соответствии со вкусом нового владельца, купившего участок десять лет назад. Яркие детали из рассказа мальчика – пруд с рыбками на заднем дворе, игрушечная лодка и незакрепленные в фундаменте здания кирпичи, за одним из которых ребенок прятал несколько фальшивых монет, сделанных его другом Перри, перестали существовать, а значит, не могли служить доказательством этой невероятной истории. Однако в доме через дорогу жил восьмидесятишестилетний старик по имени Перри Шайлкилл, подтвердивший слова мальчика и дополнивший рассказ новыми деталями, поведав матери и сыну о том, как он в подростковом возрасте пытался произвести впечатление на понравившуюся ему соседскую девочку, умершую в конце лета того же года, когда они познакомились. После поездки Эдди вспомнил еще несколько подробностей своей жизни в роли Риты Мэй Пикенс, но, рассказывая об этом сотрудникам организации «Мы снова живем» спустя два года, не был точно уверен, были ли они выдумкой или реальностью. Впоследствии мистер Шайлкилл подтвердил их достоверность.

Поворотным в жизни главного героя стал случай реинкарнации Мэллори Гастингс из города Онеонта, штат Нью-Йорк, исследованием которого он решил заняться лично. Описывая помощь Джейсона Талла в поиске подходящего места для жизни забывшей реалии окружающей ее действительности девушке, автор уделяет внимание формированию образа города и интерьерным деталям. Онеонта представлена в произведении как «один из древних городов Северо-Востока, гордящийся тем, что он неизменно оставался маленьким и старомодным. Когда его старые кирпичные здания рушатся, их не столько заменяют, сколько воссоздают заново, и местные жители говорят, что почтенная эстрада для оркестра на Мейн-стрит была там с самого начала (хотя к настоящему времени каждая ее опора, несомненно, заменялась много раз)»¹⁷. Местожи-

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

тельство прежней Мэллори изображается как расположенный в небольшом закрытом поселке к северу от города чопорный маленький кондоминиум, оформленный «в стиле бессмысленного совершенства, как будто все было заказано по каталогу с ненавязчивой мебелью, не слишком безвкусной и не слишком элегантной – ваза определенного размера здесь, картина определенного типа там, все так, как указано на прилагаемой схеме»¹⁸. А располагающийся в унылом переулке, застроенном складами и фабриками, дом, в который решает переехать девушка, описывается следующим образом: «это было одноэтажное строение из бетонного блока с высокими решетчатыми окнами, по рекламе занимавшее две тысячи четырехста квадратных футов»¹⁹. Вскоре после подписания договора об аренде в пустом помещении появилась скудная мебель: высокий табурет, стул с прямой спинкой и шаткий столик, заваленный кистями, тряпками и тубиками с краской, матрас и несколько подушек для сна, а также четыре огромные картины в стиле абстрактного экспрессионизма, написанные героиней.

Взаимодействуя с Мэллори Гастингс, Джейсон со временем узнает о ее жизни в роли афроамериканки Глории Макатур, заставшей события Второй мировой войны, с победы в которой «в битве при Дахау» арийцы ввели новое летоисчисление, знаменующее сначала господство арийской расы в мире, а после – ее существование в качестве единственной расы планеты Земля. Несмотря на перерождение, героиня романа «После Дахау» не становится творцом истории, реформатором или борцом за признание обществом известной ей исторической правды, в отличие от многих других путешественников во времени и попаданцев. Мэллори Гастингс выступает в роли транслятора довоенной идеологии и голоса истребленных нацистами народов, нашедшего отклик в сердце главного героя.

Правда о событиях, произошедших две тысячи лет назад, разрушившая известный Джейсону с детства миф о великом подвиге Адольфа Гитлера, а также чувство ответственности за преступления, совершенные далекими предками, побуждают персонажа предпринять попытки открыть глаза арийцам на то, что они являются потомками убийц. Его усилия, вдохновленные переживанием острого кризиса национальной идентичности, развивают тематическую линию обозначенной еще в начале художественного текста экзистенциальной проблематики романа. Названный в честь богатого и влиятельного Джейсона Талла-старшего и с детства вос-

¹⁸ *Quinn D. Op. cit.*

¹⁹ *Ibid.*

принимающий себя только тенью отца, главный герой считает, что никто не обратит внимания на его странные разговоры, необычные покупки в известном книжном магазине и обещание сенсации в редакции влиятельной газеты, печатающейся во всех уголках мира. Тему непонимания Джейсоном собственного предназначения и положения в обществе затрагивает работающий в разведке друг семьи Гарри Уитакер, обозначая данную проблему причиной интереса персонажа к реинкарнации: «Все истории о реинкарнации, которые Вы рассказывали нам на протяжении многих лет, повествуют о людях, которые узнали, кто они есть <...>. Подобно им, Вы хотели бы однажды утром проснуться и стать кем-то совершенно другим»²⁰. После ухода Гарри эту тему продолжает Мэллори: «Ты ведешь себя так, как будто ты невидимка, как будто тебя не существует»²¹. «Я вижу Вас, мистер Талл»²², – сообщает Клэй, помощник Гарри, сделав укол снотворного Джейсону, очнувшись после которого персонаж оказался совершенно один в здании, находящемся «в центре огромной, безликой пустоши, которая могла бы сойти за Луну, если бы не неряшливая растительность, простиравшаяся со всех сторон до горизонта»²³. Размышления о собственной жизни во время пребывания в уединении и попытки угадать кодовую фразу, способную вернуть его в привычное окружение, помогли Джейсону преодолеть психологический кризис и побудили героя впоследствии открыть галерею произведений искусства и литературы двухтысячелетней давности «Кроатан» вопреки пониманию и принятию того факта, что грехи прошлых поколений его современников совсем не волнуют.

Подводя итоги, можно сказать, что выбранные для анализа произведения доказывают репрезентативность американской глубинки в качестве сюжетно значимой локации альтернативно-исторических текстов как на заре зарождения жанра после перехода феномена в поле художественной литературы, так и в романах современных авторов. С.М. Корнблат в своей повести «Две судьбы», структурированной по принципу рамочной композиции, создает образы южной американской глубинки времен Второй мировой войны и ее двойника в футуристическом параллельном мире спустя 150 лет после победы стран Оси. Нарратив об Америке будущего выстраивается в форме антиутопического травелога, описывающего деградацию общества до эпохи Средневековья,

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

строгую расовую иерархию и упадок образования. Научно-исследовательская лаборатория военных лет также не изображается приятным местом для жизни, однако подобные декорации удачно подчеркивают тяжесть труда американских ученых и значимость открытий, сделанных ими. В романе Д. Куинна «После Дахау» американская глубинка предстает перед читателем в виде намеченных авторскими словесными штрихами небольших городков, в которых происходят невероятные события. Каждое место связано с определенным этапом жизни главного героя: зарождение интереса к существованию реинкарнации связано с историей, произошедшей в Веттсбурге, случай, подтвердивший реальность данного явления, произошел с современником персонажа из Каунсил-Блаффс, вспомнившим детали из прошлой жизни в О'Ниле, Онеонта стала местом встречи с будущей возлюбленной, перевернувшей его мышление и ставшей последним исследовательским объектом реинкарнации в его жизни, а пребывание в неизвестной безлюдной местности позволило герою преодолеть экзистенциальный кризис и решить для себя, кем он является и чему готов посвятить жизнь.

Информация об авторе

Ирина В. Брянцева, Московский физико-технический институт, Долгопрудный, Россия; 141701, Россия, Долгопрудный, Институтский пер., д. 9; birina240595@gmail.com

Information about the author

Irina V. Briantseva, Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia; 9 Institutsky Lane, Dolgoprudny, Russia, 141701; birina240595@gmail.com